

Такие вещи неловко спрашивать у самого человека, поэтому Пэй Яньянь, набравшись терпения, продолжила поиски книги.

Она помнила, что старшей Цзян нужен был атлас, но то, что попало ей в руки, явно было дневником.

Случайно открыв страницу, она увидела аккуратный текст и изящный почерк. В правом нижнем углу стояла подпись: Цин. Хозяин записей был очевиден.

Феникс не садится ни на что, кроме утун, не ест ничего, кроме плодов бамбука, не пьет ничего, кроме нектара.

Птенцы обладают огромной духовной силой, но не могут защитить себя, чем часто привлекают демонов и призраков.

Любит чистоту, на ежедневное приведение перьев в порядок уходит час.

...

Целая страница была исписана привычками, предпочтениями и неприязнями феникса. Чернила различались по цвету — видимо, записи делались в разное время.

Это было самое настоящее руководство по содержанию феникса.

В самом конце следовал вывод, начертанный более небрежным почерком, всего из двух иероглифов:

Трудно содержать.

Тон записей разительно отличался от остального текста, напоминая скорее ворчание.

Великого демона кто-то посмел посчитать обузой! Пэй Яньянь едва не рассмеялась в голос, но, вспомнив о присутствии Цзян Жулянь, поспешно зажала рот рукой, изо всех сил подавляя смех.

Она перевернула страницу и обнаружила, что чернила здесь были ярче, а записи выглядели свежее.

Феникс верен до гроба: потеряв пару, он три дня скорбно поет, а затем сжигает себя заживо, без исключений.

— Что ты там читаешь? — внезапно раздался за спиной голос Цзян Жулянь.

Пэй Яньянь вздрогнула и выпалила:

— Случайно наткнулась на дневник наставницы.

Она машинально прижала ладонь к странице, чтобы скрыть написанное. Если старшая Цзян узнает о той фразе про трудности содержания, ее душевное равновесие может пошатнуться.

Цзян Жулянь заглянула через плечо:

— Наставница иногда выписывает цитаты из древних книг, видимо, эту книгу забыли при переезде.

Сказав это, она потянулась к дневнику, но не успела коснуться его, как Пэй Яньянь с невероятной скоростью отдернула книгу подальше.

Цзян Жулянь прищурилась, глядя на нее с подозрением.

— Кхм-кхм. — Пэй Яньянь не решилась встретиться с ней взглядом и, притворно кашляя, попыталась сменить тему: — М-м, у меня тут вопрос возник: фениксы действительно совершают самоубийство из-за любви?

— Конечно, — быстро ответила Цзян Жулянь.

Верность до гроба — главное преимущество фениксов при выборе партнера и их неизменная природа. Подумать только, кому не захочется иметь спутника, чьи мысли и взор обращены лишь на тебя?

Она вскинула подбородок, и в ее голосе прозвучали горделивые нотки:

— Мы, фениксы, все такие.

Похоже, она этим даже гордилась.

Пэй Яньянь дернула уголком рта:

— Умирать вслед за партнером... если вторая половина скончается рано, это же очень невыгодно.

Фениксы — одаренные демоны, они могут прожить невероятно долго, если не случится беды.

— После заключения союза жизнь партнера феникса становится такой же долгой, как у самого неба, — ответила Цзян Жулянь как нечто само собой разумеющееся, и Пэй Яньянь мгновенно все поняла.

У демонов есть множество способностей, недоступных человеческим технологиям, и если использовать их с умом, это принесет огромную пользу обществу! Неудивительно, что Отдел защиты сверхъестественных существ так рьяно играет роль свахи, неустанно способствуя продолжению рода великих демонов.

— А сколько таких союзов можно заключить?

Она спросила, не подумав, но, спохватившись, поспешно поправилась:

— Ой, нет, я имела в виду, можно ли расторгнуть союз? Что делать, если партнер феникса захочет развестись? Или если изменит?

Цзян Жулянь тихо хмыкнула, выражая пренебрежение:

— Как такое вообще может произойти?

— Ну, я же просто гипотетически, люди ведь всегда могут изменить свои чувства?

— ...

В комнате внезапно стало пугающе тихо. Сквозь окно пробился луч закатного солнца, осветив кружащиеся в воздухе пылинки.

Цзян Жулянь скрестила руки на груди, половина ее лица утопала в тени, выражение глаз было нечитаемым. Необъяснимое давление заставило Пэй Яньянь отступить на шаг и упереться спиной в стол.

Она сглотнула, чувствуя, что сболтнула лишнее.

Спустя долгое время та, что стояла перед ней, слегка тронула губы улыбкой и ответила:

— Никаких гипотез.

С древних времен еще никто не уходил от феникса после заключения союза.

Раз уж разговор зашел так далеко, Пэй Яньянь мгновенно поняла: это не то, что ей стоит знать.

Она закрыла дневник, протянула его обеими руками и осторожно прощупала почву:

— Прошу прощения, я случайно взглянула на записи. Наставница наверняка рассердится, что кто-то увидел ее личные вещи?

В ее словах читался намек: лучше бы тебе не заглядывать внутрь.

Неизвестно, уловила ли Цзян Жулянь этот подтекст, но она забрала дневник и махнула рукой, словно отгоняя муху:

— Ничего страшного, наставница не станет придираться к младшим. Иди ищи свою книгу.

— Угу.

Пэй Яньянь развернулась и нырнула в лабиринты книжных стеллажей, где тут же исчезла из виду — из-за ее маленького роста ее было совсем не разглядеть.

Лишь тогда Цзян Жулянь неторопливо открыла дневник. Кончики ее пальцев погладили пожелтевшую рисовую бумагу, она несколько раз порывалась заглянуть под обложку.

Ей хотелось посмотреть. Интуиция подсказывала, что содержание может быть связано с ней самой.

Пэй Яньянь посмотрела, так почему ей нельзя? В мыслях она была решительна, но на деле, чувствуя себя невероятно виноватой, дрожащими пальцами подцепила край страницы.

— Старшая, я нашла!

Голос прозвучал как гром среди ясного неба. Цзян Жулянь вздрогнула и едва не порвала страницу. Она молча отложила дневник и подняла голову, глядя на руку, машущую ей в воздухе. В ней был зажат толстый фолиант под названием Атлас ядов и насекомых.

Обложка была потрепаннее опавших листьев на земле — неизвестно, сколько веков назад была написана эта книга, удивительно, что Цин Цянь вообще о ней вспомнила.

Пэй Яньянь ловко перемахнула через преграждающий путь сундук и протянула книгу Цзян Жулянь.

Они вышли наружу вместе. Солнце наполовину скрылось за облаками, близился вечер.

Цин Цянь как раз выходила из другой комнаты. Ее белые волосы отливали мягким золотом, что смягчало черты лица, а кожа уже не казалась такой бледной, как вчера.

Цзян Жулянь была довольна: не зря она полчаса ворчала, уговаривая ее надеть свое пальто.

Цин Цянь взяла книгу и пролиستала несколько страниц:

— Это она.

Троица отправилась в обратный путь. Ветер проносился сквозь бамбуковую рощу, поднимая шум, похожий на морской прибой.

На пике Цинло рос только один вид бамбука — Нефритовый бамбук Небесной воды.

В далеком прошлом он был единственным источником пищи для фениксов, но с тех пор, как духовная энергия иссякла, бамбуковые рощи по всему миру начали гибнуть. Лишь здесь им удалось уцелеть.

Цин Цянь прижимала книгу к груди. Мимо них плавно пролетали бамбуковые листья, и ее взгляд, вслед за этой зеленью, устремился в глубь тихой рощи:

— В этом году бамбук не цвел?

Цзян Жулянь, шедшая рядом с Цин Цянь, при этих словах внезапно замедлила шаг, нарочно отстав на полшага.

— Нет... — ее рука, до этого свободно свисавшая, невольно сжалась в кулак. Она сухо пояснила:
— Бамбуковую рощу взял под контроль Отдел защиты.

Цин Цянь безразлично взглянула на нее.

— Отдел защиты?

Обо многих событиях, произошедших после ее ухода в затворничество, Цин Цянь еще не успела узнать.

Тогда Пэй Яньянь вставила слово:

— Отдел защиты сверхъестественных существ, подчиняется Управлению по делам демонов, занимается изучением духовных растений и редких видов.

Если бамбук зацветет, он массово погибнет, поэтому Отдел защиты ни за что бы этого не допустил.

Цин Цянь промолчала.

Ее светлые ресницы опустились, скрывая эмоции, выражение лица оставалось спокойным, как и всегда. Цзян Жулянь не могла понять, о чем она думает.

— Почему его забрали?

Цзян Жулянь поджала губы:

— Гора Тинъюнь хочет удержать статус первой секты, за это приходится платить.

Один стебель нефритового бамбука содержит в десятки раз больше духовной энергии, чем духовный камень. А если учесть, что камни и так в дефиците, ценность бамбука очевидна.

Предыдущий глава сдал рощу в долгосрочную аренду Управлению по делам демонов в обмен на другие ресурсы.

Бамбук не цветет — значит, не будет плодов. Фениксам нечем питаться.

Пэй Яньянь несколько раз хотела что-то сказать, но так и не решилась. Ее наставник говорил, что эту рощу посадила старшая наставница, и гора Тинъюнь вольна распоряжаться ею как угодно, а полученные ресурсы пойдут на нужды учеников — это куда выгоднее, чем содержать одну лишь Цзян Жулянь.

Но Пэй Яньянь все равно казалось, что если Цзян Жулянь и не вмешалась, то не из-за равнодушия, а потому, что не хотела портить отношения с горой Тинъюнь. К тому же, когда это решалось, Цин Цянь была в затворничестве, и никто не спрашивал ее мнения.

Цзян Жулянь тоже хотелось знать, о чем думает Цин Цянь.

Старшую наставницу можно назвать верной интересам горы Тинъюнь, она готова была защищать интересы секты, даже будучи раненой. Наверное, она не станет придавать этому значение, поэтому и ей самой не стоит заикливаться.

— А что ешь ты?

Холодный голос прозвучал внезапно. Цзян Жулянь, чьи мысли были прерваны, в замешательстве переспросила:

— Что?

Цин Цянь выдохнула, и в ее глазах, обычно спокойных, как застоявшаяся вода, блеснул острый огонек.

— Что ты ешь обычно? — она замедлила темп, выговаривая каждое слово четко.

Цзян Жулянь в изумлении повернула голову. Ей не показалось? Почему ей кажется, что

наставница немного сердится?

Это сомнение окончательно развеялось, стоило ей взглянуть в глаза Цин Цянь, и превратилось в сладость, разливающуюся по сердцу.

Оно было настолько сладким, что она не могла думать ни о чем другом, и уголки ее губ сами собой поползли вверх.

— Да что придется. — Ее голос звучал легко и мелодично, в нем не осталось и следа прежней осторожности.

Тропинка была узкой, Цзян Жулянь и Цин Цянь шли плечом к плечу, между ними невозможно было втиснуться.

А Пэй Яньянь, плетущаяся позади, чувствовала себя совершенно лишней.

Ей так хотелось сказать, что старшая Цзян ест только самые нежные кончики бамбуковых побегов, рис, выращенный на воде из духовного источника, и даже чай пьет только из молодых листьев нефритового бамбука.

Она настолько привередлива, что это возмутительно, и она называет это «что придется»!

Впрочем, Пэй Яньянь осмелилась произнести это только про себя, в такой момент лучше было помалкивать.

Цзян Жулянь с воодушевлением предложила:

— Может, я угощу наставницу ужином сегодня?

Она говорила и придвигалась ближе к Цин Цянь, их одежды соприкасались, и стоило чуть повести пальцем, как можно было коснуться нежной кожи. Но она не стала делать лишних движений, просто шла рядом и ждала ответа.

Цин Цянь, казалось, была погружена в свои мысли, но не отстранилась.

Ее тонкие алые губы едва приоткрылись, как Цзян Жулянь поспешила добавить:

— Когда я ем со старшей наставницей, у меня всегда отличный аппетит.

Спустя долгое время Цин Цянь, о чем-то задумавшись, с отсутствующим взглядом тихо произнесла:

— М-м.

Она не отказалась.

В голове у Цзян Жулянь автоматически включился плеер, проигрывающий торжественную музыку.

— Что наставница хочет съесть? Морепродукты или лесные деликатесы?

— Как хочешь.

Пэй Яньянь робко подняла руку:

— Старшая...

— Может, я отвезу вас посмотреть на вид на реку? Там открылся новый ресторан.

— Угу.

Пэй Яньянь, не желая сдаваться, повысила голос:

— Тот самый...

— Наставница, волосы. — Цзян Жулянь открыла дверцу машины и заодно напомнила.

Все-таки у Цин Цянь необычный цвет волос, неизвестно, сколько внимания она привлечет на улице.

Цин Цянь накинула капюшон, спрятав под ним свои белые волосы, наружу виднелась лишь пушистая мягкая кайма.

Такая послушная, что сердце таяло.

Молча наблюдая за тем, как машина исчезает из виду, Пэй Яньянь скрежетнула зубами: «Проклятье, про меня совсем забыли!»

*

Цзян Жулянь специально выбрала кабинку с видом на реку.

В ночном городе зажглись разноцветные огни, и поверхность реки превратилась в поток света.

Снаружи была закрытая зона, где почти никто не ходил, а ресторан располагался высоко,

позволяя наслаждаться ночным пейзажем через панорамное окно.

Цзян Жулянь подперла подбородок рукой, в ее глазах мерцала нежная улыбка.

— Если не нравится, отдайте эту порцию мне. — С этими словами она пододвинула чизкейк к Цин Цянь.

Она заметила, что несколько предыдущих блюд наставница съела быстро, пока они болтали о том о сем. Но когда подали десерт, темп заметно снизился — она не продолжала разговор, пока не съедала кусочек.

В прошлом, когда передвижение было затруднено, деликатесы не были доступны повсеместно, и Цзян Жулянь даже не знала, что Цин Цянь любит такие легкие и сладкие пирожные.

Цин Цянь заколебалась, затем протянула руку с тонкими пальцами, держа маленькую ложечку.

— У-у...

Внезапно пронесся порыв ветра, принес с собой холод, и, если прислушаться, можно было различить плач младенца.

Цин Цянь, еще не успев поднести пирожное ко рту, повернула голову:

— Станный звук.

Улыбка Цзян Жулянь застыла, она глубоко вздохнула.

Она встала, плотно закрыла окно и успокоила ее:

— Это просто ветер, наставница, вы слишком напряжены.

— Бульк!

Вдалеке на реке поднялись огромные брызги, словно в воду что-то бросили.

— Прошу, прошу подкрепления!

Вслед за едва слышными криками о помощи Цзян Жулянь, не моргнув глазом, задернула шторы и объяснила Цин Цянь:

— Свет слишком сильно отвлекает.

Она только что, кажется, видела тень, вырвавшуюся из воды, и этот силуэт показался ей знакомым.

Возможно, это были люди из следственной группы, выполнявшие задание.

Это неважно. Важно то, что чизкейк перед Цин Цянь остался нетронутым.

Цин Цянь слегка нахмурилась, ее рука застыла в воздухе, и Цзян Жулянь забеспокоилась.

— Бах! — поток демонической энергии, смешанной с духовной силой, врезался в стекло.

Цзян Жулянь ничуть не испугалась. Судя по крику, это был Гудяо. Если они не могут справиться даже с демоном такого уровня, она лично упакует их всех и сбросит с вершины горы.

— Демоническая энергия? — взгляд Цин Цянь стал холодным.

— Да, моя. — Цзян Жулянь начала мастерски врать: — Я слишком разволновалась и не смогла контролировать ее.

Ее лицо выражало искренность, а слова звучали так убедительно, что, казалось, на лбу было написано «поверь мне».

Однако Цин Цянь уже отложила ложку и отодвинула штору.

При свете городских неоновых огней Цин Цянь видела все очень четко, а Цзян Жулянь — тем более.

Тот самый человек, что в отчаянии метался по берегу, был не кем иным, как ее собственным подчиненным — тем самым несчастным из ее группы.

Она даже не успела перехватить руку Цин Цянь, как белый силуэт оттолкнул окно и спрыгнул вниз, ступив на карниз.

— Хрусть.

Раздался отчетливый звук — Цзян Жулянь с улыбкой сломала в руке палочки из железного дерева.